

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ

INDICTMENT IN CRIMINAL PROCEEDINGS: THE HISTORY OF ITS FORMATION AND MODERN LEGAL APPROACHES

R. Adiatullin

Summary. The article is devoted to the study of the genesis and modern legal significance of the indictment as the final document of pre-trial proceedings. The article analyzes the evolution of the institution of prosecution from the private-law-suit model of the pre-reform process to public prosecution and written indictment, as well as the impact of the judicial reform of 1864 and the Soviet criminal process on modern legal regulation. Using a comparative legal approach, the features of the indictment document in the legal systems of the CIS countries, Romano-Germanic, Anglo-Saxon and Muslim traditions are revealed. The article substantiates the role of the indictment in determining the limits of the trial and protecting the rights of the accused.

Keywords: indictment, indictment, criminal proceedings, judicial proceedings, jurisprudence, legal guarantees.

Адиатуллин Рустем Искандерович

руководитель второго отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета РФ по РТ (г. Казань)
RustemA1981@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию генезиса и современного правового значения обвинительного заключения как итогового документа досудебного производства. Анализируется эволюция института обвинения от частно-исковой модели дореформенного процесса к публичному обвинению и письменному обвинительному акту, а также влияние судебной реформы 1864 г. и советского уголовного процесса на современное правовое регулирование. С использованием сравнительно-правового подхода раскрываются особенности обвинительного документа в правовых системах стран СНГ, романо-германской, англо-саксонской и мусульманской традициях. Обосновывается гарантийная роль обвинительного заключения в определении пределов судебного разбирательства и защите прав обвиняемого.

Ключевые слова: обвинительное заключение, обвинительный акт, уголовное судопроизводство, судебное разбирательство, правопедение, правовые гарантии.

Обвинительное заключение в уголовном судопроизводстве формировалось не как одномоментное нововведение, а как результат длительной трансформации представлений о природе преступления, о пределах власти государства и о процессуальных гарантиях личности, вследствие чего эволюция данного института демонстрирует постепенный, непоследовательный и во многом противоречивый переход от частной инициативы в преследовании к публичному обвинению, а также от устных и слабо формализованных процедур к письменному обвинительному документу, фиксирующему рамки судебного разбирательства.

Уже в древнерусском и дореформенном уголовном процессе развитие института обвинения прошло длительный и сложный путь, который характеризовался постепенным, непоследовательным и во многом противоречивым переходом от доминирования частной инициативы в уголовном преследовании к формированию элементов публичного обвинения, что было обусловлено эволюцией государственной власти, усложнением общественных отношений и изменением представлений о преступлении как посягательстве не только на част-

ный, но и на публичный интерес. При этом до судебной реформы 1864 года специального нормативного регулирования обвинения как самостоятельного процессуального института не существовало, поскольку «уголовное судопроизводство носило частно-исковой характер, для которого было характерно равноправие сторон... При отсутствии в государстве следственных органов бремя доказывания возлагалось на стороны процесса» [1, с. 91], и именно поэтому инициатива уголовного преследования исходила преимущественно от потерпевшего, выступавшего в роли истца, а суд, сохраняя дистанцию от доказательственной деятельности, ограничивался преимущественно арбитражной функцией и рассматривал дело как спор между равными сторонами.

Такая логика была не случайной, поскольку ранняя правовая культура связывала обвинение с частным притязанием и восстановлением нарушенного порядка между конкретными лицами, а не с публичной репрессией от имени государства. Поэтому данная модель уголовного процесса получила нормативное закрепление уже в первых правовых памятниках Древней Руси, в частности в Русской Правде, которая последовательно отража-

ла частно-исковой порядок уголовного преследования, поскольку поводом к возбуждению дела служила исключительно жалоба потерпевшего, каждый иск рассматривался как обвинение, а само уголовное преследование воспринималось через призму частного притязания, так как «всякое притязание носило деликтный характер» [2, с. 174], вследствие чего стороны самостоятельно собирали, представляли и обосновывали доказательства, и хотя их процессуальные права формально признавались равными, реальное равенство нередко нарушалось социальным статусом, имущественным положением и фактическими возможностями участников процесса.

Однако по мере укрепления централизованной государственной власти и по мере того, как преступление всё отчетливее осознавалось не только как частный вред, но и как угроза общественному и государственному порядку, уголовный процесс постепенно приобретал черты розыскного, или инквизиционного, производства, что выражалось в расширении инициативы властей, в ограничении роли частного обвинителя и в усилении властной компоненты расследования и доказывания. Важным этапом этого процесса стало принятие Соборного уложения 1649 г., которым был зафиксирован поворот к публичному преследованию, поскольку законодатель допустил возможность возбуждения уголовного дела при отсутствии частного истца и тем самым признал право государства самостоятельно инициировать уголовное преследование. При этом вплоть до XVIII в. сохранялось смешение частных и публичных начал, поскольку, с одной стороны, расширялась компетенция государственных органов и усиливались механизмы принуждения, а с другой — отдельные нормы, в частности положения главы 10 Соборного уложения, по-прежнему требовали жалобы потерпевшего для начала дела и тем самым подтверждали устойчивость частно-исковых принципов, хотя уже допускалась возможность начала преследования и без таковой в особых случаях, затрагивавших интересы государственной важности.

В эпоху Петра I эта эволюция достигает качественного перелома, и процесс окончательно приобретает розыскной характер, поскольку расследование преступлений становится функцией государственных органов, а главным и наиболее весомым доказательством признается признание обвиняемого, что резко снижает роль состязательных элементов и частной инициативы. Нормативное оформление прокурорского надзора в данный период связано с учреждением должности генерал-прокурора, поскольку в указе 1722 г. закреплялось: «Надлежит быть при Сенате генерал-прокурору и обер-прокурору», а также предписывалось «сидеть в Сенате и смотреть накрепко, дабы Сенат свою должность хранил» [12, с. 474].

Лишь в период реформ Екатерины II, и прежде всего с принятием «Учреждений для управления губерний»

1775 г., прокуроры получили обязанность участвовать в судебных заседаниях и поддерживать обвинение от имени государства при отсутствии частного истца, вследствие чего публичное обвинение получило более явные институциональные контуры, хотя полноценно процессуальное оформление итогового обвинительного решения всё ещё оставалось неопределенным, при этом нормативное понимание надзорной миссии на местах формулировалось через положение о том, что «вообще губернский прокурор и губернные стряпчие смотрят и бдение имеют о сохранении везде всякого порядка» [15, с. 135].

К началу XIX в. дореформенное российское право уже предусматривало стадию предварительного следствия, результатом которой фактически являлось составление следственным чиновником заключительного акта (рапорта) о ходе и итогах расследования, однако данный документ не обладал статусом самостоятельного процессуального института обвинения в современном смысле, поскольку он не определял окончательно пределы судебного разбирательства и не связывал суд в формулировании обвинения, а потому такой рапорт выполнял преимущественно техническую функцию передачи материалов дела в суд, тогда как судья сохранял широкие и по существу дискреционные полномочия по самостоятельному доформулированию обвинения, его изменению либо возвращению дела на доследование. В этой конструкции обнаруживалось и отсутствие четкого разграничения процессуальных ролей, и сохранение элементов розыскного начала, при которых обвинение и правосудие оставались функционально слитыми, поэтому до 1864 года уголовный процесс России сохранял полусостязательный и одновременно полуинквизиционный характер, при котором итоговое обвинение не имело самостоятельного процессуального оформления, что объективно предопределяло необходимость глубокой судебной реформы.

Судебная реформа 1864 года заложила основы современной модели обвинительного акта, поскольку ввела состязательное начало, независимый суд и четкое разграничение процессуальных функций, тем самым коренным образом изменив логику уголовного судопроизводства, при этом сам замысел реформы в доктринально-комментаторской традиции связывался с задачей ускорения и упорядочения правосудия, поскольку подчеркивалось, что «Правительство нацелено на создание суда скорого, правого, милостивого, равного для всех» [14, с. 1242], вместе с тем указывалось, что «Сенат избрал единственный верный путь к уяснению обрядов и условий, от которых зависит открытие правильного судебного разбирательства» [4, с. 1242]. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. впервые последовательно разделил стадии и роли участников процесса и одновременно институционально оформил итоговый обви-

нительный документ, который в тот период именовался «обвинительным актом» и составлялся следователем либо прокурором по окончании дознания для передачи дела в суд. Существенное новшество заключалось в разграничении повода к началу уголовного преследования и основания для привлечения лица в качестве обвиняемого, поскольку наличие одного лишь повода в виде жалобы или доноса стало недостаточным для предания суду, а требовалось обоснование обвинения совокупностью доказательств [1, с. 91], вследствие чего Устав установил, что после сбора достаточных улик следствие должно было оканчиваться составлением обвинительного акта, который подлежал обязательной проверке прокурором и лишь затем направлялся в суд, и именно так обвинение получило оформленный процессуальный документ, без которого судебное разбирательство не могло быть начато.

При этом Устав 1864 г. детально регламентировал форму и содержание обвинительного акта и тем самым предвосхитил ряд принципов современного уголовного процесса, усилив гарантии прав личности, поскольку закон требовал объективности и полноты обвинительного изложения и предписывал приводить не только сведения, подтверждающие виновность обвиняемого, но и обстоятельства, свидетельствующие в его пользу, а «громкое преувеличение виновности преступника не допускается» [1, с. 92]. Одновременно вводились существенные процессуальные гарантии для обвиняемого, включая право знать, в чем он обвиняется (ст. 403), право на ознакомление с материалами следствия (ст. 476), право на заявление возражений и жалоб, и в совокупности эти новеллы свидетельствовали о переходе от тайного розыскного процесса к гласному и состязательному, вследствие чего реформа заложила основы института государственного обвинения в современном понимании, отделив его от функции правосудия и закрепив его как самостоятельный процессуальный механизм.

Дальнейшая история показала, что принципы, заложенные в Уставе 1864 г., оказали существенное влияние на формирование советского уголовного процесса, хотя и были восприняты не напрямую, а в трансформированном виде из-за идеологических и политико-правовых отличий: после Октябрьской революции 1917 г. советская власть первоначально упразднила институты присяжных и частного обвинения, превратив уголовное преследование в исключительно государственную функцию, однако уже первые кодифицированные акты РСФСР — Уголовно-процессуальные кодексы 1922 и 1923 гг. — вновь закрепили концепцию итогового обвинительного документа, и в советском уголовном процессе окончательно утвердилось понятие «обвинительное заключение», под которым понимался «процессуальный акт, завершающий предварительное следствие и формулирующий его итоги, на основании которых дело направляется в суд» [12, с. 134].

В советской практике обвинительное заключение составлялось следователем и подлежало обязательному утверждению прокурором, при этом прокурорский надзор выступал прямым наследием принципа 1864 г. о предварительной проверке обвинения перед передачей дела в суд и был ориентирован на недопущение необоснованного предания суду, а с вступлением в силу УПК РСФСР 1960 г. процедура была детально регламентирована, поскольку устанавливались требования к структуре и содержанию заключения, сроки ознакомления обвиняемого и его защитника, порядок утверждения прокурором и последствия отказа в утверждении.

Чтобы показать, как единая по своей логике «советская» модель финализации расследования адаптировалась в разных постсоветских юрисдикциях, целесообразно кратко сопоставить национальные варианты по нескольким опорным критериям, не теряя из виду общий функциональный смысл итогового документа, который в доктрине традиционно раскрывается через тезис о том, что «обвинительное заключение — процессуальный акт, завершающий предварительное следствие и формулирующий его итоги, на основании которых дело направляется в суд» [12, с. 134], а также через более широкую характеристику, согласно которой «обвинительное заключение — это завершающий предварительное следствие процессуальный документ, содержащий сформулированное по делу обвинение, определяющее пределы судебного разбирательства, а также систему и анализ доказательств и фокусирующий процессуальное решение компетентных органов о возможности направления уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу» [3, с. 185].

1. Терминология итогового документа. В Казахстане и Киргизии используется термин «обвинительный акт» (ст. 298 УПК РК; ст. 247 УПК КР), в Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане и Армении сохраняется термин «обвинительное заключение», в Республике Беларусь документ по сути аналогичен, но называется постановлением о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд, тогда как в Республике Молдова итоговое обвинительное заключение оформляется прокурором в рамках особой модели [5].
2. Субъект составления итогового документа. В Казахстане и Киргизии итог по делу оформляет дознаватель или следователь, в Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане и Армении итоговый документ готовит следователь, в Беларуси завершение расследования оформляется следственным органом постановлением о передаче дела прокурору для направления в суд, тогда как в Молдове следователь ограничивается направлением прокурору заключения о проделанной работе и собранных доказательствах, а оконча-

тельное обвинительное заключение составляет прокурор.

3. Субъект утверждения и окончательного решения о направлении дела в суд. В Казахстане направление дела в суд связано с прокурорским решением и утверждением в предусмотренном законом порядке, причём в системе в целом заметно усиление роли прокуратуры (ст. 302 УПК Казахстана), в Таджикистане обвинительное заключение утверждается исключительно прокурором (ч. 1 ст. 248 УПК Таджикистана), в Беларуси процессуальная роль на завершающей стадии досудебного производства принадлежит прокурору, поскольку именно он выступает адресатом постановления следственного органа и субъектом, принимающим решение о направлении уголовного дела в суд, тогда как в Молдове прокурор не ограничивается утверждением итогов расследования, а самостоятельно формирует окончательное обвинительное заключение и обращается с ним в суд [11].
4. Модель завершения расследования. Для Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Армении и Беларуси в целом характерна одноступенчатая схема «итоговый акт след-

ствия → проверка прокурора → суд», тогда как Молдова использует двухступенчатую схему, при которой финальный обвинительный документ для суда составляет прокурор.

Проведённое сопоставление национальных моделей государств СНГ показывает, что при сохранении общего функционального назначения итогового обвинительного документа, конкретные процессуальные решения варьируются за счёт перераспределения ролей между следствием и прокуратурой, различий в терминологии и степени прокурорского контроля. Однако выявленные различия носят внутрисемейный характер и укладываются в рамки единой постсоветской традиции. Для более глубокого понимания природы обвинительного заключения и его процессуального значения представляется необходимым выйти за пределы национального регулирования и обратиться к сопоставлению того, как данная функция реализуется в различных правовых семьях, что позволяет выявить не только отличия форм, но и различия в базовых концепциях уголовного процесса (таблица 1).

Сравнительный анализ, представленный в таблице, показывает, что в различных правовых системах обвини-

Таблица 1.

Сравнительная характеристика института обвинительного документа в основных правовых системах [10]

Критерий	Романо-германская правовая семья	Англо-саксонская правовая система	Мусульманская правовая система
Правовая природа документа	Итоговый письменный обвинительный акт, формирующий юридическое основание для передачи дела в суд и подлежащий судебному контролю	Процессуальный акт допуска дела к суду, не завершающий расследование и не содержащий анализа доказательств	Самостоятельный письменный обвинительный документ традиционно отсутствует; обвинение носит устный характер
Субъект формирования обвинения	Прокурор либо следственный судья (в зависимости от модели и стадии процесса)	Большое жюри, либо прокурор	Кадий, совмещающий функции возбуждения дела, расследования и разрешения спора
Роль суда на стадии допуска дела	Суд осуществляет предварительную проверку обоснованности обвинения и принимает решение о допуске дела к разбирательству	Суд формально принимает обвинение; фактическая оценка осуществляется в ходе судебного разбирательства	Суд немедленно приступает к рассмотрению дела по существу без отдельной стадии допуска
Степень формализации содержания	Изложение фактических обстоятельств и юридической квалификации без детального анализа доказательств	Минимальное содержание: указание деяния и применимой нормы права	Устное обвинение; письменная фиксация либо отсутствует, либо носит вспомогательный характер
Связанность суда обвинением	Суд строго связан пределами предъявленного обвинения и не вправе выйти за его рамки	Предмет разбирательства определяется обвинением, но доказательства формируются исключительно в суде	Пределы разбирательства определяются усмотрением кадия
Гарантии защиты от расширения обвинения	Возврат дела прокурору либо предъявление нового обвинения при выходе за пределы первоначального	Процессуальные гарантии состязательности; запрет зачитывания обвинения присяжным	Очистительная клятва, повышенные требования к свидетелям и доказательствам
Современные трансформации	Сокращение объёма обвинительного акта при сохранении судебного контроля	Сохранение минималистской модели и приоритета состязательности	Частичная рецепция континентальных институтов в светских мусульманских государствах

тельный документ занимает неодинаковое место в структуре уголовного процесса и характеризуется различной степенью формализации. В рамках континентальной модели, к которой относится и российское уголовное судопроизводство, обвинительное заключение выступает строго регламентированным процессуальным актом, содержание и форма которого имеют принципиальное значение для определения пределов судебного разбирательства и реализации прав участников процесса. В этой связи представляется необходимым обратиться к российскому уголовно-процессуальному законодательству и последовательно проанализировать, какие требования закон предъявляет к форме и содержанию обвинительного заключения и какую роль данные требования играют в обеспечении законности, определённости обвинения и процессуальных гарантий сторон.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации нормативно закрепляет структуру и содержание обвинительного заключения, устанавливая исчерпывающий перечень сведений, подлежащих обязательному включению в данный процессуальный документ. В соответствии с законом в обвинительном заключении указываются: 1) сведения о личности обвиняемого, включая «фамилию, имя, отчество» и иные «данные о личности обвиняемого», а также «существо обвинения, место и время совершения преступления, его способы, мотивы, цели, последствия и другие обстоятельства, имеющие значение для данного уголовного дела» [7]. Законодатель тем самым ориентирует обвинительное заключение на точную фактическую индивидуализацию инкриминируемого деяния.

Наряду с этим обязательным элементом обвинительного заключения является «формулировка предъявленного обвинения с указанием пункта, части, статьи Уголовного кодекса Российской Федерации» [7], что обеспечивает юридическую определённость обвинения. Отдельное значение имеет и требование о включении «перечня доказательств, подтверждающих обвинение, и краткого изложения их содержания» [7], а также самостоятельного указания «перечня доказательств, на которые ссылается сторона защиты, и краткого изложения их содержания» [7], что отражает обязанность следствия учитывать и фиксировать позицию защиты на стадии завершения расследования. Дополнительно в обвинительном заключении подлежат отражению «обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание» [7], сведения «о потерпевшем, о характере и размере вреда, причиненного ему преступлением» [7], а также «данные о гражданском истце и гражданском ответчике» [7].

Процессуальный статус обвинительного заключения как итогового акта предварительного расследования определяется и порядком его оформления и движения: закон прямо устанавливает, что «обвинительное заключение подписывается следователем» [7], после

чего «уголовное дело с обвинительным заключением... направляется прокурору» [7], который, реализуя функцию надзора и процессуального контроля, «утверждает обвинительное заключение... и направляет уголовное дело в суд» [7], либо принимает иное предусмотренное законом решение. Гарантийная направленность данной стадии выражается также в требовании о доведении обвинения до сведения стороны защиты, поскольку «копия обвинительного заключения с приложениями вручается прокурором обвиняемому» [7], что обеспечивает реализацию права на защиту и возможность подготовки к судебному разбирательству на основе чётко определённых фактических и юридических границ обвинения.

Составление и утверждение обвинительного заключения влечёт предусмотренные законом правовые последствия, поскольку именно после завершения досудебного производства «уголовное дело направляется прокурору с обвинительным заключением» [7], а затем «прокурор утверждает обвинительное заключение... и направляет уголовное дело в суд» [7], вследствие чего дело переходит в судебную стадию, а лицо, в отношении которого сформулировано обвинение, фактически вступает в положение подсудимого в рамках судебного разбирательства. Суд, получив материалы, реализует полномочия по подготовке судебного разбирательства и обязан разрешить вопрос о дальнейшем движении дела, в том числе «о назначении судебного заседания» [7], при этом уже на данном этапе действует фундаментальная связанность суда содержанием предъявленного обвинения.

Базовый ориентир для судебного рассмотрения закреплён в норме, согласно которой «пределы судебного разбирательства определяются предъявленным обвинением» [7], что означает запрет на рассмотрение в суде деяний, не охваченных предъявленным обвинением, и предопределяет необходимость сохранения процессуальной определённости предмета доказывания. Одновременно законодатель прямо устанавливает возможность изменения обвинения в суде лишь при соблюдении ограничений, поскольку «судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению» [7], а выход за эти рамки допускается исключительно в пределах, не нарушающих гарантии стороны защиты. В частности, закон предусматривает, что изменение обвинения возможно, если оно не ухудшает положение лица, поскольку «изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту» [7], в силу чего допустима переквалификация на менее тяжкий закон при сохранении фактических рамок обвинения, тогда как расширение обвинения за пределы первоначально предъявленного требует применения предусмотренных законом процедур реагирования со стороны суда и органов обвинения.

Указанные правила определяют и доказательственную логику судебной стадии, поскольку «судебное следствие начинается с изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения» [7], а дальнейшее исследование доказательств подчинено проверке обстоятельств, составляющих содержание предъявленного обвинения. При этом общий принцип оценки доказательств в суде закреплён тем, что «никакие доказательства не имеют заранее установленной силы» [7], вследствие чего выводы суда не могут быть подменены изложением позиции следствия в обвинительном заключении, а формируются на основании непосредственного исследования доказательств и их оценки «по своему внутреннему убеждению» [7]. В результате обвинительное заключение выступает процессуальной основой для определения предметных границ судебного разбирательства, однако не приобретает статуса доказательства и не заменяет требования о непосредственном и состязательном исследовании доказательств в судебном заседании.

Социальное назначение обвинительного заключения заключается в том, что оно обеспечивает баланс между эффективным уголовным преследованием и защитой прав личности от необоснованного обвинения, поскольку, с одной стороны, данный документ концентрирует результаты борьбы с преступностью и обеспечивает возможность передачи дела в суд, а с другой стороны, его обязательность и формализованность препятствуют произвольному преданию суду без достаточных оснований [9]. Конституционные гарантии государственной защиты прав личности от необоснованного обвинения и незаконного преследования (ст. 45, 46 Конституции РФ), а также презумпция невиновности (ст. 49 ч. 1 Конституции РФ) предопределяют, что обвинительное заключение само по себе не доказывает вину, а лишь фор-

мулирует обвинение, подлежащее судебной проверке [6], и именно поэтому дореволюционная доктрина подчеркивала относительность значения обвинительного акта. И.Я. Фойницкий метко отмечал: «...обвинительный акт для окончательного производства представляется лишь канвою, на которой может быть нарисован разный рисунок» [14, с. 386], и эта метафора сохраняет актуальность, поскольку обвинительное заключение формирует каркас будущего разбирательства, но окончательный «рисунок» в виде обвинительного или оправдательного приговора создается судом на основе состязательного исследования доказательств.

Таким образом, по результатам исследования установлено, что обвинительное заключение в российском уголовном процессе выполняет комплексную процессуальную функцию: оно завершает стадию предварительного расследования, формулирует окончательное обвинение, обеспечивает передачу дела в суд при прокурорском контроле и определяет пределы судебного разбирательства. Историко-правовой анализ демонстрирует, что устойчивость данного института обусловлена развитием публичного обвинения и институциональным разграничением функций расследования, обвинения и правосудия, а сравнительно-правовое сопоставление подтверждает: при разнообразии моделей обвинительного документа в разных правовых семьях именно континентальная традиция придаёт узловое значение письменному обвинительному акту как юридическому основанию судебного рассмотрения. Следовательно, требования закона к структуре, содержанию и порядку процессуального движения обвинительного заключения имеют системное значение для обеспечения законности, предсказуемости предмета доказывания и реализации права на защиту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бастрыкин В.В. Исторические аспекты становления и развития нормативного регулирования обвинительной деятельности в уголовном судопроизводстве России в досоветский период // Молодой ученый. — 2020. — № 38 (328). — С. 90–92.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Очерки истории русского права. — Ростов н/Д: Феникс, 1996. — 640 с.
3. Гумеров Т.А. Обвинительное заключение: правовая природа, содержание, процессуальные последствия: дис. . . канд. юрид. наук. — Казань, 2009. — 257 с.
4. Кони А.Ф. Устав уголовного судопроизводства: систематический комментарий / А. Ф. Кони; под ред. Н. В. Давыдова, Н. Н. Полянского. — М., 1914. — С. 1243–1244.
5. Межпарламентская Ассамблея СНГ. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ (принят 17.02.1996 г. на 7-м пленарном заседании МПА СНГ) // Сборник модельных законодательных актов СНГ. — СПб.: МПА, 1996. — С. 256–300.
6. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. — М.: Юрид. лит., 1994. — 63 с.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 05.01.2026).
8. Россинский С.Б. Обвинительное заключение: мнимые и подлинные процессуальные смыслы // Российский следователь. — 2023. — № 10. — С. 10–14.
9. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. — СПб.: Наука, 2000. — 276 с.
10. Степанченко А.В. Правовая регламентация составления обвинительного заключения в государствах — участниках СНГ и иных иностранных государствах // Молодой ученый. — 2025. — № 29 (580). — С. 99–102.
11. Строгович М.С. Советский уголовный процесс. — М.: Госюриздат, 1951. — 511 с.
12. Указ Петра I «О должности генерал-прокурора» от 12.01.1722 г. // Полное собрание законов Российской Империи. — 1-е собр. — Т. 6. — СПб., 1830. — № 3877. — С. 474–475.
13. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. — Т. 2. — СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1899. — 580 с.
14. Юдина Т.Ф. Эволюция нормативно-правовой основы российской прокуратуры в дореволюционный период / Т. Ф. Юдина // Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции (к 300-летию Российской прокуратуры). — 2023. — С. 129–141.

© Адиатуллин Рустем Искандерович (RustemA1981@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»